

"ЛЮБЕЗНЫЙ МОЙ ПИТОМЕЦ". ЕКАТЕРИНА II И Г.А. ПОТЕМКИН В ГОДЫ ВТОРОЙ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ (1787-1791)

"Я тебя не люблю, а есть нечто, для чего слова еще не выдумано, алфавит короток и литер мало"¹, - писала Екатерина II Григорию Александровичу Потемкину в 1774 г., в самый разгар их короткого, но бурного романа. Чувство, которому нет названия и которое казалось императрице глубже любви и крепче дружбы, связывало Екатерину II с ее фактическим соправителем и после 1776 г., когда Потемкин уже не был "официальным" фаворитом. Родство душ скрепляло отношения императрицы и светлейшего князя в течение всей жизни. "В нем было одно редкое качество, отличавшее его от всех людей: у него была смелость в сердце, смелость в уме, смелость в душе. Благодаря этому мы всегда понимали друг друга"².

О причине огромной, почти царской, по оценкам современников, власти, которой обладал Г.А. Потемкин в правление Екатерины II, о секрете его влияния на императрицу, о тайне их взаимоотношений задумывались многие русские и зарубежные исследователи, посвятившие свои труды "золотому веку" Екатерины.

Известный русский либеральный издатель М.И. Семевский, предприняв в 70-80-х гг. прошлого века в редактируемом им журнале "Русская старина" обширную публикацию документов, освещающих жизнь и деятельность "великолепного князя Тавриды", счел нужным предпослать ей краткий очерк биографии Г.А. Потемкина, в котором остановился на причинах союза Екатерины и Григория Александровича. М.И. Семевский считал, что императрицу притягивали редкостная одаренность Г.А. Потемкина и его огромное человеческое обаяние, ставившие князя выше всего окружения "Северной Минервы"³.

Другой русский историк, трудившийся в одно время с М.И. Семевским, А.Г. Брикнер, обращаясь к вопросу о необычном альянсе между императрицей и светлейшим князем, дает следующую характеристику их взаимоотношений: "Напрасно говорят о перевесе, который будто бы имел Г.А. Потемкин над императрицей... Она и нравственно и умственно стояла гораздо выше светлейшего князя, остававшегося до гроба в безусловной зависимости от императрицы"⁴.

В 1906 г. на страницах журнала "Русский архив" П.И. Бартенев привел сведения, которые нельзя не учитывать при изучении биографий Екатерины II и ее ближайшего сподвижника. П.И. Бартенев опубликовал рассказ бывшего председателя Государственного совета графа Д.Н. Блудова, которому в царствование Николая I поручено было разбирать дворцовый архив, в частности письма Екатерины II и Потемкина, а также информацию бывшего генерал-прокурора Сената графа А.Н. Самойлова, племянника светлейшего князя, о том, что "Екатерина вследствие упорственного желания князя Потемкина и ее к нему страстной привязанности с ним венчалась у Самсония, что на Выборгской стороне"⁵. Эти рассказы Бартенев подкрепил семейными преданиями нескольких русских и польских аристократических родов (Воронцовых, Браницких, Голицыных и Чертковых), чьи предки присутствовали на обряде.

Известный популяризатор начала XX в. К. Валишевский, посвятивший веку Екатерины несколько довольно поверхностных работ, также не обошел вниманием необычный союз императрицы и светлейшего князя. По мнению этого автора, Г.А. Потемкин как бы аккумулировал все темное, эгоистичное и самовластное, что было в характере Екатерины, склонял ее к авантурным предприятиям во внешней политике и ужесточению самодержавной власти внутри страны. Сам он был лишь блестящим "адептом любви", прекрасно понимавшим женские слабости. Хотя К. Валишевский издал свои книги после публикации статьи

*Елисеева Ольга Игоревна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН.

П.И. Бартенева, он не был с ней знаком. Однако широко бытовавшая легенда о супружеских узах Екатерины и Г.А. Потемкина была ему известна, но К. Валишевский отверг ее⁶.

Сведения, представленные П.И. Бартевым, получили подтверждение в подготовленном Я.Л. Барсковым комплексе записок Екатерины II и светлейшего князя, относящихся в основном к периоду фавора Г.А. Потемкина. К 1932 г. работа Я.Л. Барскова была закончена, но, как сообщает В.Д. Бонч-Бруевич, пытавшийся помочь с публикацией записок, "не была разрешена к печати в советское время". Сохранилась корректура намечаемого к публикации издания. В предисловии к нему Я.Л. Барсков останавливается на особенностях взаимоотношений Екатерины и Г.А. Потемкина, а также на характеристике самого явления фаворитизма в политической жизни России второй половины XVIII в. "Фаворитизм - своего рода учреждение с огромным, хотя и неустойчивым кругом дел, с обширным, хотя и неопределенным бюджетом", - писал ученый. Корни этого явления Я.Л. Барсков видел в нестабильности абсолютизма как формы правления. «При всем желании Екатерина не могла справиться со страшной властью, оказавшейся у нее в руках, - рассуждал историк. - Никому не уступала императрица из своей власти так много, как Г.А. Потемкину... Как показывают публикуемые здесь письма, только его называла она своим "мужем", а себя "женою", связанною с ним "святейшими узами"»⁷. Отчаявшись опубликовать свою работу на родине, Я.Л. Барсков предложил издать ее французским коллегам. В 1934 г. в Париже появилось анонимное издание писем Екатерины к Г.А. Потемкину под редакцией Ж. Ударда, восходящее к тексту, представленному ранее Я.Л. Барсковым. Ж. Удард делал вывод, что огромное влияние, которое Г.А. Потемкин имел на дела в империи и лично на императрицу, объяснялось прежде всего тайным церковным союзом между ним и Екатериной⁸.

На русском языке публикация Я.Л. Барскова появилась в 1989 г. с предисловием Н.Я. Эйдельмана. Размышляя о переменах, произошедших во второй половине XVIII в. во взаимоотношениях между "различными этажами российской государственной власти", Н.Я. Эйдельман резонно возражает Я.Л. Барскову, видевшему в утверждении системы фаворитизма ослабление императорской власти: "Дело в поиске более оптимальных форм взаимоотношений дворянства, высшей бюрократии и самодержицы; новый тон придворной жизни, наоборот, усиливал политическую роль Екатерины II". Останавливаясь на вопросе о венчании императрицы и ее избранника осенью 1774 г., Н.Я. Эйдельман замечает: "Переписка содержит подробности, подтверждающие факт тайного брака Екатерины"⁹.

Весьма непривычна для русского читателя характеристика союза Екатерины II и Г.А. Потемкина, данная в работе американской исследовательницы И. де Мадариага. Она разделяет мнение о вероятности факта мorganатического брака императрицы и Г.А. Потемкина. "Возможно, из-за большого напряжения страсть Екатерины и Потемкина длилась недолго, однако в повседневной жизни они продолжали вести себя как женатая пара, до конца своих дней соединенная сильной привязанностью и абсолютным доверием"¹⁰. И. де Мадариага приходит к выводу, что Г.А. Потемкин имел положение фактического принца-консорта. Сходную трактовку взаимоотношений Потемкина и его коронованной покровительницы дает французский историк П. Моруси. "Потемкин был наиболее важным персонажем в царствование Екатерины II, - пишет П. Моруси. - Его внутренняя сущность определялась двумя постоянными: сущностью завоевателя и сущностью мистика... Государственный деятель, министр, дипломат, солдат, колонизатор, этот возлюбленный Екатерины был также и ее тайным мужем. Его одного она почтила заключением брачного союза с соответствующей церковной церемонией"¹¹. П. Моруси вслед за И. де Мадариага считает Г.А. Потемкина фактическим консортом Екатерины II. Монографии И. де Мадариага и П. Моруси рассчитаны в первую очередь на западного читателя, и, чтобы прояснить смысл положения Г.А. Потемкина в системе государственного управления, авторы используют понятия "император-консорт" или "принц-консорт", которых ни русское законодательство, ни обычное право не знали.

Более исторически корректно, на наш взгляд, определение роли Потемкина как фактического соправителя Екатерины II, которое предложено В.С. Лопатиным¹².

В ином ключе трактует взаимоотношения Екатерины II и ее ближайшего сподвижника А.Б. Каменский: "Потемкин стремился захватить как можно больше власти и, хотя он преуспел в этом значительно больше других фаворитов, всей полноты власти Екатерина не уступала ему никогда"¹³. Автор фактически повторяет вывод А.Г. Брикнера. Обращения Екатерины к Г.А. Потемкину "дорогой супруг", "муж", "владыко" исследователь считает частью эпистолярной игры.

Автор настоящей статьи убежден, что вопрос о браке Екатерины II и Г.А. Потемкина останется открытым, пока не будет проведено тщательное изучение церковных книг храма

Самсония, что на Выборгской стороне (хранящихся в Историческом архиве Санкт-Петербурга). Однако необходимо признать, что без учета сведений, приведенных П. И. Бартеневым, и информации о "святейших узах" из переписки императрицы и ее ближайшего сподвижника очень сложно понять не только источник колоссальной власти Г.А. Потемкина и поразительный пиетет, с которым Екатерина II относилась к светлейшему князю, но и разобраться во многих политических коллизиях того времени.

В предлагаемой читателям статье мы хотим обратиться к другой, не менее важной стороне вопроса о союзе Екатерины II и Г.А. Потемкина - к тезису о нравственном и умственном превосходстве императрицы, как формулировал его А.Г. Брикнер, или, говоря корректнее, о взаимном влиянии фактических соправителей друг на друга. Цель данной работы состоит в том, чтобы охарактеризовать их взаимоотношения в годы второй русско-турецкой войны (1787-1791), т.е. в финальный период их союза. Никакой другой источник не поможет разобраться в проблеме лучше, чем переписка самой императрицы со светлейшим князем и сопутствующие ей официальные, мемуарные и прочие материалы.

Эпистолярный диалог между императрицей и ее знаменитым сподвижником продолжался в течение 22 лет - с 1770 по 1791 г. Сохранилось около полутора тысяч писем и записок корреспондентов. Ныне они находятся в фондах РГАДА, ГА РФ, РГВИА и АВПР. Истории издания и изучения этого эпистолярного комплекса в русских и иностранных исторических журналах XIX—XX вв. посвящена отдельная статья автора этих строк¹⁴, поэтому здесь мы не будем подробно останавливаться на этом вопросе. Скажем только, что за полтора века опубликовано около 40% писем. Большая часть переписки остается пока неизданной*. Самый значительный по количеству сохранившихся источников и разнообразию затронутых тем эпистолярный комплекс относится к периоду второй русско-турецкой войны. Он включает 297 посланий Г.А. Потемкина и 191 - Екатерины II.

* * *

Вторая русско-турецкая война стала тяжелым испытанием для корреспондентов. В этот период России пришлось столкнуться с противостоянием европейской коалиции, выступавшей за спиной Османской Порты, вести боевые операции на двух фронтах (против Турции и Швеции), постоянно предотвращать возможность вторжения со стороны Пруссии и Польши, а также блокировать попытки Англии направить свой флот в Балтийское море. Екатерина II и Г.А. Потемкин в качестве фактического соправителя императрицы явились теми людьми, на плечи которых легла полная ответственность за принятие важнейших внешнеполитических решений в условиях общеевропейского кризиса. Их переписка показывает, что в годы второй русско-турецкой войны Россия боролась не только за обладание Крымом, но и в более широком смысле - за право вести самостоятельную европейскую и азиатскую политику, не следуя в русле интересов Пруссии, Англии и Франции.

Из писем императрицы двух предвоенных месяцев можно заключить, что Екатерина II не предвидела в ближайшее время разрыва с Турцией и рассчитывала на скорое возвращение Г.А. Потемкина из Крыма в Петербург. Однако за внешней беспечностью и приподнятостью тона ее писем можно почувствовать некоторое напряжение. "Дела в Европе позапутываются, — пишет Екатерина 27 июля. - Цесарь посылает войска в Нидерланды, король прусский противу голландцев вооружается, Франция, не имев денег, делает лагери, Англия высылает флот, прочие державы бдят, а я гуляю по саду"¹⁵.

7 августа из с. Михайловка, под Кременчугом, куда светлейший князь перебрался, спасаясь от городской жары, он отправил в Петербург тревожное донесение. Российский посол в Константинополе Я.И. Булгаков сообщал, что 1 августа английский, прусский и шведский министры при турецком дворе активно побуждали визиря к немедленному разрыву с Россией, обещая помощь своих стран. Г.А. Потемкин был крайне обеспокоен. "Мое предложение Вашему императорскому величеству при отправлении из Петербурга было, дабы протянуть еще два года, - писал он, - теперь о том же дерзая угрождать"¹⁶.

Посол Франции в Петербурге граф Л.-Ф. Сегюр в своих записках указывает на Г.А. Потемкина как на сторонника войны в отличие от Екатерины II, занимавшей более взвешенную позицию¹⁷. Эта версия закрепились в русской дореволюционной историографии, например, в трудах А.Г. Брикнера, откуда перешла в работы современных западных исследователей, таких, как М. Раев, Дж. Александер и И. де Мадариага, и получила свое наиболее

*В период подготовки данной статьи к печати вышла в свет еще одна публикация: "Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. 1769-1791". Под ред. В.С. Лопатина. М., 1997.

законченное воплощение в идее "предупреждающего удара", нанесенного Турцией противнику, уже готовому к агрессии¹⁸. Приведенное выше послание светлейшего князя свидетельствует о желании Потемкина накануне конфликта сохранить мир.

"Я с первым цареградским курьером ожидаю из двух приключений одно, - писала 19 августа встревоженная донесением князя Екатерина II, - либо бешеного визиря и рейс-ефенди сменят, либо войну объявят"¹⁹. Императрица рассчитывала на престарелого султана Абдул-Гамида I, не желавшего войны, но тот вынужден был уступить сильному давлению верховного визиря Юсуф-паши и нескольких европейских дипломатов, обещавших Турции кредиты и военную помощь. Оба корреспондента не знали, что еще 5 августа Я.И. Булгаков, приглашенный на дипломатическую конференцию при турецком дворе, услышал требование о возвращении Крыма, вслед за чем был арестован и препровожден в Семибашенный замок.

Начало войны было для России крайне неудачным. 24 сентября 1787 г. Г. А. Потемкин получил известие о том, что севастопольский флот, который вышел по его приказу в море навстречу турецкой эскадре, двигавшейся из Варны к Очакову, попал в сильный пятнадцатидневный шторм и оказался потерянным из виду. Это был страшный удар для командующего. Главное дело его жизни - черноморский флот, строившийся трудами и заботами нескольких лет, по всей видимости, погиб за считанные часы. "Матушка государыня, - писал он по получении страшного известия, — я стал несчастлив <...> Флот севастопольский разбит бурей <...> Бог бьет, а не турки! Я при моей болезни поражен до крайности, нет ни ума, ни духу. Я просил о поручении начальства другому. Верьте, я себя чувствую, не дайте через сие терпеть делам. Ей, я почти мертв <...> Теперь пишу к графу Петру Александровичу (Румянцеву. - О.Е.), чтоб он вступил в начальство"²⁰. Кроме того, Г.А. Потемкин составил собственноручное донесение* императрице, в котором обосновывал необходимость оставления Крыма. Как следует из ответного послания императрицы, она была решительно не согласна с оставлением Крыма. "Начать войну эвакуацией такой провинции, которая до днесь не в опасности кажется, спешить не для чего"²¹.

В эти дни Екатерина II часто жаловалась на задержку известий с юга. "Нетерпеливо ожидаю от тебя вестей, - настойчиво напоминает она в письме 30 сентября, - что чаще пришлошь, то более на меня угодишь"²². Даты отправки писем князя (13, 15, 16, 19, 24, 26 сентября) и даты приезда курьеров в Петербург, отмеченные в бумагах управляющего делами князя в Петербурге М.А. Гарновского, отстояли друг от друга в это время не более чем на 5-7 дней. Так что никакой задержки известий не было, и причина тревог Екатерины крылась не в этом. Ее беспокоило намерение Григория Александровича сдать команду.

26 сентября Г.А. Потемкин написал Екатерине из Кременчуга новое письмо. Разметанный бурей севастопольский флот не погиб, многие корабли лишились мачт, были сильно потрепаны штормом, но почти все уцелели. Лишь один оторвался от других и был унесен в Константинопольский пролив. Остальные собрались вместе, были атакованы турками, но отбились и вернулись в Севастополь. В молодом черноморском флоте служили хорошо обученные люди, сумевшие спасти свои суда и привести их "без руля и без ветрил" под огнем противника на базу в Севастополь. Князь в первую очередь о них сообщал в письме императрице: "Слава Богу, что люди не пропали! Слава Богу, что не прибило их к неприятельскому берегу!"²³

Как и предполагал Г.А. Потемкин, турки попытались отрезать Крым от материка и взять его в блокаду. 1 октября противник высадил на Кинбурнскую косу 5 тыс. янычар под командованием французских офицеров. Против турок сражалось 4 тыс. солдат, в подавляющем большинстве рекруты-новобранцы. В распоряжении командующего были храбрые, но пока плохо обученные люди, бросить которых немедленно на штурм Очакова — прекрасно укрепленной неприятельской крепости, - значило погубить их.

Между тем при дворе главной темой разговоров становилась осада Очакова. Влиятельная партия президента Коммерц-коллегии А.Р. Воронцова и графа П.В. Завадовского, враждебная Г.А. Потемкину, прилагала значительные усилия, пытаясь разжечь в столичной публике нетерпеливое ожидание скорого взятия Очакова. Они подогревали надежды императрицы на то, что гарнизон крепости разбежится при приближении русских войск, как в конце прошедшей войны гарнизон Хотина. При появлении в городе очередного курьера Завадовский во всеуслышание выражал твердую уверенность, что наконец привезено

*В отличие от личной переписки официальные донесения обычно диктовались секретарю. В обстоятельствах, требующих конфиденциальности, Г.А. Потемкин писал их сам.

известие о взятии Очакова. Такая обстановка сложилась в конце октября - начале ноября, когда русская армия еще только начала подготовку к осаде. "Во всю прошедшую войну мы Очаковым завладеть или не умели, или не хотели, - замечает в одном из своих донесений на юг М.А. Гарновский, - и я не понимаю, почему господин Завадовский взятие Очакова почитает незатруднительным"²⁴. А.Р. Воронцов отстаивал ту же идею в Государственном совете. Общие настроения подстегивали нетерпение императрицы, в то время как Г. А. Потемкин продолжал настаивать на необходимости правильной осады.

Не вполне гладко складывались и отношения с союзниками. Австрия не спешила вступать в войну (она была объявлена лишь 29 января/9 февраля/1788 г.). Пока австрийский двор находился в нерешительности, Григорий Александрович советовал императрице воспользоваться посредничеством Пруссии в каком-нибудь малозначительном деле в Константинополе и тем самым продемонстрировать туркам, что они напрасно рассчитывают на помощь этой державы. Это предложение Потемкина встретило резкий протест Екатерины, которая увидела в нем колебания светлейшего и отход от идеи союза с Австрией. "Система с Венским двором есть Ваша работа", - упрекает она Григория Александровича²⁵. Екатерина была раздражена против складывавшегося англо-пруссского альянса, имевшего ярко выраженную антирусскую направленность, и презрительно именовала политику Фридриха Вильгельма II и Георга III - *geguisme*²⁶ (от прозвищ этих королей "frere Ge" и "frere Gu", т.е. "братец Ге" и "братец Гу"). *Geguisme* заключался в противодействии видам России на Черном море и на Балтике руками ее соседей, т.е. Турции, Швеции и Польши при сохранении за Англией и Пруссией внешне нейтральной, а если возможно, и посреднической роли. Вице-канцлер А.А. Безбородко в письмах к русскому послу в Англии С.Р. Воронцову называл прусского короля диктатором, советуя Екатерине II держаться с Пруссией твердо и решительно. Такая позиция больше импонировала императрице, чем требования Г.А. Потемкина действовать крайне осторожно и избегать в непростой международной обстановке поводов к оскорблению прусского короля.

Летом 1788 г. начались крупные морские сражения на Лимане, в результате которых турки лишились 15 крупных кораблей и 30 более мелких судов, что составляло флот, превосходивший мощностью севастопольскую и херсонскую эскадры. Успех был полным. Между тем ситуация на Балтике осложнялась с каждым днем. В Петербурге проявляли все большую обеспокоенность усиливавшимся вооружением Швеции. "Наша публика здесь несказанно обрадована победою, на Лимане одержанною, - писала императрица 20 июня, — на три дни позабыли говорить о шведском вооружении". Тогда перед императрицей стоял важный вопрос, касавшийся разрыва со Швецией. "Если б ты был здесь, я б решилась в пять минут, переговора с тобой", - писала Екатерина Г.А. Потемкину 4 июня²⁷. Еще в 1787г., после повреждения черноморского флота бурей, императрица обещала сформировать на Балтике эскадру и отправить ее в Средиземное море. К лету 1788 г. эскадра была готова, но в условиях обострения отношений со Швецией Екатерина II не знала, можно ли отсылать ее от русских берегов. Григорий Александрович, понимая, как необходимы дополнительные корабли на Балтике, освободил императрицу от данного ею слова. Блестящие победы на Лимане показали, что русская сторона способна и малыми силами противостоять турецкому флоту. "Мы лодками разбили в щепы их флот и истребили лучшее", - писал Г.А. Потемкин 19 июня²⁸.

26 июня Екатерина II сообщила светлейшему князю, что шведы, так и не объявив войны, атаковали Нейшлот. "Своим войскам в Финляндии велел сказать. - писала Екатерина о Густаве III, - что он намерен окончить предприятие Карла XII <...> Теперь Бог будет между нами судьей"²⁹. С началом войны на два фронта, в условиях нехватки войск Екатерина отдала должное той осторожности, с которой Г.А. Потемкин подошел к осаде Очакова. "Паче всего старайся сберечь людей", — писала она 26 июля³⁰. К осени русская часть Финляндии была очищена от шведских войск, флот Густава III блокирован в Свеаборге. Осложнилась ситуация в шведской армии, взбунтовавшейся против короля и требовавшей созыва сейма. Однако императрица не позволяла себе слишком обольщаться надеждой на скорое прекращение войны. "Король шведский писал ко всем державам, прося их, чтоб его с нами вымирили, но какой быть может мир тут, где всей Европы интересы замешаны будут?" - спрашивает она³¹. Свое посредничество предлагали главным образом Пруссия и Англия, о чем сообщал Г.А. Потемкину 20 сентября А.А. Безбородко. Эти державы старались построить переговоры так, чтобы увязать дела Швеции, Турции и Польши в единую систему, что влекло за собой бесконечное затягивание дипломатической игры и удержание противоборствующих сторон в состоянии войны.

"Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович, - писала Екатерина II 19 октября

1788 г. - <...> король прусский сделал две декларации. Одну в Польшу противу нашего союза с поляками <...> Другую датскому двору, грозя оному послать в Голштинию тридцать тысяч войска, буде датский двор введет [войска] помогать нам в Швецию <...> День ото дня более открывается намерение и взятый ими план не только нам всячески вредить, но и задрать в нынешнее и без того тяжелое для нас время. Думаю, на случай открытия со стороны короля прусского вредных противу России и ее союзника намерений <...> армию фельдмаршала графа Румянцева обратить (развернуть по польской границе. - *О.Е.*) <...> противу короля прусского <...> О сем, пожалуй, напиши ко мне подробнее и скорее, чтоб не проронить мне чего нужного"³². Получив это письмо, князь, как и опасалась императрица, ответил решительным отказом передать значительную часть войск в предполагаемую "обсервационную" армию. Он считал, что распыление сил не позволит удержать границу на юге, а начало военных действий сразу против Турции, Швеции и Пруссии будет губительно для России. "Вместо того, чтобы нам заводить новую и не по силам нашим войну, - писал Потемкин 3 ноября, - напрягите все способы сделать мир с турками и устремите Ваш кабинет, чтобы уменьшить неприятелей России. Верьте, что не будет добра там, где нам сломить всех, на нас ополчающихся"³³.

Положение дел настоятельно требовало присутствия Г.А. Потемкина в Петербурге. Но чтобы обезоружить своих противников при дворе и склонить императрицу к отказу от избранного политического курса, он должен был вернуться в столицу победителем Очакова. К декабрю положение крепости стало критическим. Утром 6 декабря в результате короткого штурма, продлившегося немногим более часа, крепость пала. Потери турок составили 9,5 тыс. убитыми и 4 тыс. пленными, русская армия лишилась 926 человек убитыми и 1704 ранеными. Известие о взятии Очакова вызвало ликование в Петербурге и коренным образом изменило ситуацию при дворе в пользу светлейшего князя: его критики вынуждены были замолчать. Теперь императрица чувствовала себя более уверенно по сравнению с первыми двумя годами войны, когда в отсутствие Г.А. Потемкина в столице обострилось противостояние придворных группировок.

Г.А. Потемкин прибыл в столицу 4 февраля. В письме к С.Р. Воронцову от 7 марта А. А. Безбородко признает, что приезд князя принес заметное облегчение в делах и прекратил на время грызню придворных³⁴. Важнейшим результатом усилий Григория Александровича стало смягчение наметившейся конфронтации с Англией. С возвращением Г.А. Потемкина в Петербург Екатерина II успокоилась. Судя по записке А.В. Храповицкого, прекратились частые до того слезы, тревоги, мелочные выговоры лицам из ближайшего окружения, императрица снова была щедра на веселые замечания и остроты. Казалось, она обрела недостававшую ей ранее опору. Однако 2 мая было получено известие о смерти султана Абдул-Гамида, заставившее светлейшего князя отбыть в армию. "Как султан умер, то думать надлежит, что дела иной оборот возьмут", - писала Екатерина Г.А. Потемкину. Начало новой кампании звало князя на юг. Императрица тяготилась мыслью о скором расставании с ним. Она вновь оставалась одна, без ближайшего друга и советника. "Хотя и знаю, что отъезд твой необходимо нужен, однако об оном и думать иначе не могу, как с прискорбием", - признавалась Екатерина в другой записке³⁵.

Военные действия весны и начала лета развивались довольно успешно, они были перенесены на территорию Молдавии и Валахии, где русские войска одержали победу на р. Серет, после чего наступило временное затишье. В эти дни Г.А. Потемкину из Петербурга пришло известие о смещении его протеже - фаворита А.М. Дмитриева-Мамонова, повлекшем за собой серьезную перестановку политических сил при дворе. Место Мамонова вскоре занял молодой конногвардейский офицер П.А. Зубов, за которым стояли политические противники Г.А. Потемкина. Покровитель П.А. Зубова Н.И. Салтыков, назначенный в отсутствие Г.А. Потемкина вице-президентом Военной коллегии и сохранивший за собой должность воспитателя великих князей Александра и Константина, вел при дворе очень сложную игру. Он умело лавировал между Петербургом и Гатчиной, внешне согласовывая интересы императрицы и наследника. Заверения Н.И. Салтыкова в личной преданности светлейшему князю не произвели на Г.А. Потемкина должного впечатления, он с настороженностью отнесся к нему.

Между тем на юге события развивались стремительно. После взятия главной черноморской твердыни - Порты русские войска буквально обрушились на Молдавию и Валахию. 29 июля в собственноручном донесении Г.А. Потемкин сообщил императрице об одержанной совместными усилиями корпуса А.В. Суворова и соединения союзных австрийских войск под командованием принца Ф.-И. Саксен-Кобурга победе при Фокшанах. Ее особенно обрадовало то обстоятельство, что в фокшанском деле союзники сражались вместе. "Это

зажмет рот тем, кои разсеивали, что мы с ними не в согласии", - с удовольствием заметила она А.В. Храповицкому³⁶.

Осень 1789 г. была щедрa на победы. 10 сентября кн. Н.В. Репнин разбил турецкие войска на р. Салче; 14 сентября гребная флотилия под командованием О. М. де Рибаса взяла Гаджибейский замок, располагавшийся на месте будущей Одессы. 2 октября Г.А. Потемкин известил Екатерину о захвате казаками полковника М.И. Платова городов Паланки и Аккермана. Екатерина II рассчитывала, что после "шегольской кампании" (так корреспонденты называли военные действия 1789 г.) удастся заключить мир. Г.А. Потемкин со своей стороны заверял ее, что сделает все от него зависящее, чтобы вывести страну из войны. Но такое развитие событий не устраивало прусский двор.

10 января 1790 г. Екатерина II предупредила Григория Александровича, что Фридрих Вильгельм II наметил "обще с поляками весною напасть на наши владения"³⁷. Берлинский кабинет был уверен, что Россия, обольщенная успехами на юге, не захочет останавливать победного шествия своих войск по турецким землям, пересечет Дунай и тем самым подаст повод к объявлению войны со стороны Пруссии. Что касается последней, то она предполагала, смяв немногочисленные корпуса русских войск в Лифляндии и на Украине, начать наступление на Ригу, Киев и Смоленск как раз тогда, когда основные силы армии Г.А. Потемкина уйдут в глубь турецкой территории и будут отделены от нового театра военных действий пятью крупными водными преградами. В этих условиях Г.А. Потемкин должен был так спланировать военные действия кампании 1790 г., чтобы, с одной стороны, принудить Турцию к миру, а с другой - не удаляться с армией от территории Молдавии и Польши, прикрывая обширную юго-западную границу как раз в тех местах, где вторжение было наиболее вероятным. Для этого командующий предлагал всю силу удара против Турции перенести на море. "Время флотом их пугнуть"³⁸, - пишет он 23 января.

С 1790 г. Россия действовала против Турции фактически одна. 9 февраля император Иосиф II скончался. Уже в письме от 25 февраля Потемкин предупреждал Екатерину, что перемена на венском престоле повлечет за собой изменение всего курса австрийской внешней политики: в условиях серьезного внутреннего кризиса империя Габсбургов не сможет противостоять Пруссии и на время подчинится ее влиянию.

Екатерина II рассчитывала, что австрийская сторона, верная недавно возобновленному на 8 лет союзу 1781 г., не оставит Россию одну "посреди пяти огней". В этом ложном убеждении императрицу старались удержать сторонники проавстрийской группировки при русском дворе. Тем тяжелее для Екатерины было понять, что она обманулась. Уступив давлению прусских и английских дипломатов, Австрия вышла из войны с Портой. 27 июля австрийцы заключили соглашение с Берлином, по которому Вена в обмен на помощь в Бельгии отказывалась от всех своих завоеваний в турецких владениях, обязывалась подписать перемирие и отозвать бухарестский корпус принца Кобурга. В письме Потемкину от 9 августа Екатерина II назвала это соглашение "постыдным".

Ответный удар русской дипломатии был не менее тяжел для Берлина. 3(14) августа в Вереле Россия и Швеция подписали мир без всякого посредничества Пруссии или Англии. 5 августа императрица сообщила Г.А. Потемкину радостную весть: "Сего утра я получила от барона Игельстрома курьера, который привез им и бароном Армфельдом подписанный мир без посредничества <...> а королю прусскому, чаю, сей мир не весьма приятен будет". "Одну лапу мы из грязи вытащили, как вытащишь другую, то пропоем алилуя", - писала ему Екатерина несколькими днями позже³⁹. Как и предполагала императрица, случившееся не могло быть приятно прусскому королю. Берлинский кабинет упустил удобное для нападения на Россию время. Весной и летом прусские и польские войска не могли двинуться, так как армия Потемкина не ушла за Дунай и в любой момент могла всей своей мощью развернуться против них.

С подписанием Верельского мира Россия высвободила значительные военные силы на севере: и теперь финляндскую армию можно было использовать в случае нападения Пруссии. Теперь руки Г.А. Потемкина на юге не были связаны. С сентября возобновились активные военные действия в Молдавии. После падения крепости Килии в устье Дуная гребная флотилия под командованием О.М. де Рибаса вошла в реку и уничтожила батареи, защищавшие Сулинский проход. Это открывало для русской армии прямой путь к Измаилу.

3 декабря светлейший князь сообщил императрице о посылке корпуса А.В. Суворова к крепости. Он прямо предупреждал императрицу о возможности неудачи предприятия по захвату Измаила. "По истреблении судов под Измаилом осталось попытаться, - писал Григорий Александрович. - Я приказал взять лучшие меры, произвести штурм и для сего нарядил туда генерала графа Суворова-Рымникского <...> В случае неудачи, корпусу отсту-

пить <...> Что Бог даст, ожидать буду"⁴⁰. 11 декабря в результате восьмичасового кровопролитного штурма Измаил пал. Потери турецкой стороны были громадны - 26 тыс. человек. Русская армия лишилась 10 тыс. человек убитыми и ранеными, в том числе 400 офицеров из 650-ти. Взятие Измаила поставило точку в кампании 1790 г.

Между тем в переписке корреспондентов наметились тревожные для командующего тенденции. Екатерина II направляла Г.А. Потемкину свои послания значительно реже, чем прежде. Одновременно с этим донесения М.А. Гарновского из Петербурга о настроении императрицы и ее реакции на послания светлейшего князя содержат все меньше подробностей. Ясно, что в условиях, когда доверенное лицо Потемкина А.М. Дмитриев-Мамонов перестал быть фаворитом, получать такие сведения становится все труднее. Теперь почтой Екатерины распоряжается П.А. Зубов, все более отесняя управляющего светлейшего князя от непосредственного общения с императрицей. Все эти факты свидетельствовали о том, что новые приближенные из числа сторонников придворной группировки Н.И. Салтыкова пытались возвести между императрицей и Григорием Александровичем стену отчуждения.

Известие о падении крепости достигло Петербурга 29 декабря 1790 г. рано утром и было встречено с ликованием. В тот же день Екатерина II приказала "отправлять молебствие с большою пушечною пальбою", т.е. она сразу же по достоинству оценила новость. Однако ответное ее письмо Потемкину датировано лишь 3 января. Екатерина предпочла дожидаться официальной реакции европейских покровителей Порты и лишь тогда высказать свое мнение об "измаильской эскаладе", как она назвала заключительную операцию кампании 1790 г. 2 января при дворе состоялось заседание Государственного совета, обсудившего изменившуюся после взятия крепости политическую ситуацию; на следующий день утром императрицу посетил великий князь Павел Петрович, с которым она около часа беседовала наедине. Лишь после этого Екатерина направила в Яссы письмо, содержащее чрезвычайно важную для ее корреспондента информацию о поведении Пруссии и Англии: "Оба двора здесь уже сказали, что не настоят уже более о медиации" (посредничестве). Это была большая дипломатическая победа, она возбудила новые надежды на скорый мир. "Я думаю, что теперь последует смена визиря, - рассуждала Екатерина, - а при сей откроется тебе случай <...> трактовать о мире непосредственно"⁴¹.

Светлейший князь предпочитал не обольщаться относительно быстрого заключения мира. Он считал, что изменение позиции Пруссии далеко не так кардинально, как можно было заключить из слов немецких дипломатов, аккредитованных в Петербурге. В письме от 11 января Потемкин предупреждал Екатерину, что Фридрих Вильгельм II не отказался от войны с Россией. Однако теперь, после столь ощутимого удара, нанесенного Турции, он намеревался осуществить вторжение не сам, "но Польшу понудит открывать действия на нас, поддерживая их своими войсками, которые до наших границ достигнуть не могут". С этого времени Григорий Александрович почти в каждом письме императрице повторяет одну просьбу: "Дайте мне на себя посмотреть, хотя мало". Он то умолял, то требовал личного свидания для того, чтоб объясниться по неким важным вопросам, о которых не мог "иначе доложить как на словах".

Именно в это время активизируется переписка между великим князем Павлом Петровичем и Фридрихом Вильгельмом II. В Петербурге письма Павла Петровича попадали в руки агента прусского посольства Гюттеля, который доносил в Берлин, что в марте 1791 г. следует ожидать перемены царствующей особы на российском престоле, если сторонникам великого князя удастся свалить ненавистного им главу русской партии, т.е. Г.А. Потемкина. Некоторые уникальные документы, касавшиеся сношений Павла Петровича и кн. Н.В. Репнина, одного из руководителей прусской партии, с Берлином, сохранились в бумагах А.Н. Самойлова, племянника и одного из ближайших сотрудников Г.А. Потемкина. Эти материалы позволяют сделать вывод, что светлейший князь был хорошо осведомлен о развивавшейся в Петербурге интриге. В деле фигурировало имя наследника российского престола, поэтому князь не мог позволить себе объясниться с Екатериной "иначе ... как на словах"⁴².

С 1790 г. по настоятельному совету Н.И. Салтыкова, переданному Екатерине П. А. Зубовым, началась перлюстрация частной переписки в Москве, а 22 июля 1790 г. в первопрестольную был назначен новый главнокомандующий - кн. А.А. Прозоровский, специально избранный для борьбы с тайным обществом мартинистов. Осторожный и шепетильный Г.А. Потемкин писал императрице по этому поводу: "Ваше величество выдвинули из своего арсенала самую старую пушку, которая будет непременно стрелять в Вашу цель, потому что собственной не имеет. Только берегитесь, чтобы она не запятнала кровью в потомстве

имя Вашего величества"⁴³. Надо полагать, что и этот вопрос был затронут корреспондентами в личной беседе без свидетелей. Едва ли Г.А. Потемкин хотел обсуждать его письменно, зная, что послания с юга проходят через руки вдохновителей московского "разбирательства".

Опытные политические дельцы, стоявшие за спиной у нового фаворита, почувствовали угрозу. Приезд в столицу человека, чей вес в государственных делах и душевная близость с Екатериной II были несоизмеримы с влиянием П.А. Зубова, мог серьезно пошатнуть их позиции при дворе. "Хотя я победил его наполовину, но окончательно устранить с моего пути никак не мог, - рассказывал уже немолодой П.А. Зубов своему управляющему М. Братковскому в 1819 г., - а устранить было необходимо, потому что императрица сама шла навстречу его желаниям и просто боялась его, будто взыскательного супруга. Меня она только любила и часто указывала на Потемкина, чтобы я брал с него пример"⁴⁴.

Письмо Екатерины от 22 января показывает, что противники Г.А. Потемкина постарались убедить императрицу, надеявшуюся на скорый мир, в нежелательности отъезда князя из Ясс. "Касательно до твоего приезда сюда, — писала она, - я тебе скажу, что лично я всегда рада тебя видеть <...> Однако <...> нахожусь в необходимости тебя просить предпочитать пользу дел и не отлучиться, но, заключа мир, возвратиться яко миротворец". Екатерина прямо не отказывала Потемкину в его просьбе увидеться, но всячески старалась уговорить его остаться на юге. Всего через два дня, 24 января, ее настроение резко изменилось. Причиной тому было полученное императрицей письмо светлейшего князя от 15 января. Потерявший терпение Григорий Александрович обращался не только к разуму, но и к чувствам Екатерины. "Естли во мне что хорошее, то назидано Вами, - писал он. - Мог ли я оказать свою годность? На то Вы подали способ. Я тем похваюсь, что другой никто не может: по принадлежности моей к тебе, все мои добрые успехи лично принадлежат тебе". Подчеркивая, что Екатерина "с первой молодости" вела его к вершинам государственной власти и политического искусства, Г.А. Потемкин просил не пренебрегать его советом в столь сложных обстоятельствах. "Ослепление султана или, может быть, его рок ведет к потере. Варвар и тиран ожесточенный не внемлет ничему <...> четыре курьера, отправленные от визиря с известием об Измаиле, не допущены до Царяграда, а отрубили им головы. Теперь его манят, что Англия пришлет флот <...> потому-то для принятия мер должных и открытия моих усердных и полезных мыслей должен я <...> приехать к Вам, но нет мне на сие ответа".

Получив это письмо, полное отчаянной решимости во что бы то ни стало повидаться с ней, Екатерина пришла к заключению, что князь уже в дороге. Она была до глубины души тронута словами о его преданности. "Господин питомец мой, ты оправдал мое об тебе мнение <...> - писала императрица 24 января, - возобновляю тебе дозволение приехать".

Между тем до мира было еще далеко, и князь спешил в Петербург именно потому, что был убежден: вопрос о выходе Порты из войны решается не на Босфоре, а на берегах Рейна и Темзы. Последние известия из Константинополя были следующие: турецкий посол отбыл в Берлин с вопросом, как Порта должна действовать дальше. "С его возвращением решится, чему быть", - писал Г.А. Потемкин⁴⁵. Будучи форпостом коалиционной войны, Турция самостоятельно не могла решать вопрос о выходе из войны, и вести переговоры следовало напрямую с ее руководителями в Европе.

28 февраля 1791 г. Григорий Александрович прибыл в столицу. Из "Записок" А.В. Храповицкого видно, что Екатерина II много времени проводила наедине с ним. В эти дни Г.А. Потемкин постоянно работал вместе с А. А. Безбородко, составляя документы "для отклонения от войны" с Англией и Пруссией⁴⁶. Переписка того времени дает представление о круге вопросов, которыми императрица и ее соправитель занимались сразу после возвращения князя из армии. Подготавливая корпус на границе с Польшей, они начали сложную дипломатическую игру, стараясь привлечь Пруссию обещанием возможного антиавстрийского союза, включавшего и Варшаву. Это привело к замедлению темпов военных приготовлений Фридриха Вильгельма II. Австрия, до сих пор отклонявшая предложения поддержать Россию в случае конфликта с Пруссией, согласилась на совместные действия, если прусский король первым начнет раздел Польши.

Особенно сложным вопросом оказалось устранение угрозы новой шведской войны. Екатерина II не настроена была идти на уступки и субсидии, которые желала получить Швеция, а без них невозможно было помешать Густаву III вести приготовления к новой войне. "Английский флот в Балтике нулем будет, ежели Вы изволите уладить со шведским королем, и я <...> смею и должен уверить, что сей пункт всего важнее, - говорится в записке Г.А. Потемкина, — а потому во что бы ни стало как возможно скорее оный кончить <...>

Будучи же в тесном с ними союзе, Россия получит совершенный покой, а ежели бы Вы могли связать такой союз браком, то навеки б одолжили Россию"⁴⁷. Эта записка показывает, что мысль заключить матримониальный союз между старшей внучкой Екатерины, Александрой Павловной, и сыном Густава III, Густавом-Адольфом, возникла именно в тревожные дни весны 1791 г. Впоследствии брак не состоялся, хотя обе державы выражали желание заключить его. Получение субсидии в 500 тыс. рублей отвратило Густава III от содействия Англии.

Дипломатические успехи Екатерина II и Г.А. Потемкин подкрепили чисто военными приготовлениями. По плану светлейшего князя три армии должны были прикрывать границы России: против Пруссии, против Порты и против Швеции.

Однако оставался еще один противник, вывести которого из игры было особенно сложно. Английский военный флот уже стоял на якоре в Портсмуте, готовый выйти в море. Премьер-министр Уильям Питт Младший открыто объявил парламенту, что снаряженные огромные морские силы предназначены для войны с Россией. Отказ Швеции от совместных действий, как и предполагал Г.А. Потемкин, сильно усложнил положение Англии. В это время русский посол С. Р. Воронцов через подставных лиц развернул в британской прессе кампанию, доказывая экономическую невыгодность для Англии столкновения с Петербургом. В крупных промышленных городах, где производство основывалось на привозном из России сырье, начались митинги и народные собрания. Дебаты с улицы перекатились в парламент, под их давлением Питт вынужден был отказаться от своих планов. Он приказал вернуть гонца, уже отправленного в Петербург с нотой об объявлении войны, флот был разоружен, а в Россию срочно отбыл секретарь английского королевского кабинета Фалькнер для проведения секретных переговоров о заключении мира с Турцией на русских условиях.

30 апреля Екатерина II с облегчением констатировала, что войны не будет, а 14 мая в Царское Село прибыл Фалькнер.

Можно только удивляться той энергии и самообладанию, с которыми сопровители осуществляли намеченные дипломатические и военные мероприятия. Однако их душевное состояние в это время никак нельзя назвать спокойным и уравновешенным. Оба корреспондента находились на пределе своих сил. Нередко их беседы с глазу на глаз оканчивались ссорами, иногда Г.А. Потемкин сразу после разговора с императрицей шел на исповедь, ища поддержки в молитве.

Разногласия императрицы и ее ближайшего сотрудника были серьезны. Екатерина II считала, что лучший способ достичь мира - развить наступление на юге. Г.А. Потемкин доказывал, что без решительных дипломатических усилий в Берлине даже такая грандиозная победа, как Измаил, ничего не дает для мирных переговоров. 22 апреля императрица написала князю отчаянную записку: "Ежели хочешь камень свалить с моего сердца, ежели хочешь спазмы унимать, отправь скорее в армию курьера и разреши силы сухопутные и морские произвести действие наискорее, а то войну протянешь еще надолго"⁴⁸. Это послание не датировано самой императрицей, но А. В. Храповицкий рассказывает о ссоре Г.А. Потемкина и Екатерины, начавшейся 17 апреля. "Захар Зотов из разговора с князем узнал, - пишет статс-секретарь, - что, упрямясь, ничьих советов не слушают. Он намерен браниться. Плачет с досады, не хочет снизойти и переписаться с прусским королем". 22 апреля появилась еще одна записка: "Нездоровы, лежат; спазмы и сильное колотье с занятием духа"⁴⁹. Из сбивчивых записей А. В. Храповицкого видно, что Г.А. Потемкин просил императрицу возобновить переписку с Фридрихом Вильгельмом II, Екатерина же воспринимала этот шаг как личное унижение и не желала поддерживать никаких сношений с "новым европейским диктатором".

Сохранились воспоминания выросшего в доме Г.А. Потемкина мальчика-сироты Ф. В. Секретарева, описавшего одну из таких ссор. "У князя с государыней нередко бывали размолвки, — рассказывает маленький камердинер о событиях периода последнего приезда Г.А. Потемкина в Петербург в 1791 г. - Мне случалось видеть, как князь кричал в гневе на горько плакавшую императрицу, вскакивал с места и скорыми порывистыми шагами направлялся к двери, с сердцем отворял ее и так ею хлопал, что даже стекла дребезжали и тряслась мебель..."⁵⁰. Чаще всего Екатерина шла на уступки, как в случае с субсидиями для шведского короля.

29 апреля, на следующий день после пышного праздника, устроенного Г.А. Потемкиным в честь Екатерины II, на котором присутствовала вся императорская фамилия, Григорий Александрович направил ей очень любопытную записку. "Вчерашний день дети Ваши составили собой главное украшение пиршества <...> - писал князь. - Первенец из птенцов

орлицы уже оперился. Скоро, простря крыле, будет он плавать над поверхностью. Окажется ему Россия, как карта пространнейшая; увидит он распространение границ, умножение армий, флотов и градов, степи заселенные, народы, оставившие дикость, судами покрытые реки <...> Вот какое прекрасное ему будет зрелище, а нам в нем окажется утешительное удовольствие видеть князя с ангельскими свойствами, кротость, приятность вида, величественная осанка. Он возбудит к себе любовь во всех и благодарность к тебе за воспитание, принесшее такой дар России"⁵¹.

О ком говорится в этой записке? Слова : "дети Ваши" и "первенец из птенцов орлицы", казалось бы, указывают на великого князя Павла Петровича. Замечание о том, что вскоре он будет парить над Россией, т.е. станет новым монархом, тоже должны были бы свидетельствовать в пользу наследника. Однако описание будущего государя никак не вяжется с обликом Павла. Перед нами - "князь с ангельскими свойствами", отмеченный кротостью, приятностью вида и величественной осанкой. В императорской семье нежное прозвище "наш ангел" носил великий князь Александр Павлович. Его воспитанием в отличие от воспитания сына Екатерина II занималась сама. Именно о нем говорят последние строки записки.

О намерении императрицы передать престол внуку в обход Павла Петровича иностранные дипломаты начинают доносить уже с 1782 г. Второй всплеск подобных слухов возник весной-летом 1791 г., когда Екатерина стала часто призывать к себе Александра Павловича для беседы о государственных делах, которые становились известны Павлу Петровичу лишь одновременно с "публикой". 1 сентября 1791 г. в письме к Гримму императрица, касаясь положения дел во Франции, неожиданно проговаривается: "Если революция охватит всю Европу, тогда явится опять Чингиз или Тамерлан <...> но этого не будет ни в мое царствование, ни, надеюсь, в царствование Александра"⁵². Эти слова показывают, что Екатерина II не предполагала промежутка между своим правлением и правлением внука.

После того, как императрице стало известно о сношениях Павла Петровича с берлинским двором, резкое охлаждение между нею и сыном сделалось неизбежным. Возможно, именно тогда были составлены загадочные документы, передававшие право на престол Александру и отданные Павлу, по легенде, А. А. Безбородко, на хранении у которого они якобы находились. Их скрепляли подписи крупнейших государственных деятелей, в том числе А.В. Суворова и П.А. Румянцева. Среди них могла быть и подпись Г.А. Потемкина. Приведенная выше записка показывает, что светлейший князь хорошо знал о намерении императрицы, и, вероятнее всего, обсуждал его вместе с ней. Не разговор ли о "вещах", которые Г.А. Потемкин "не мог вверить бумаге", подтолкнул Екатерину II к окончательному решению?

Конец весны - лето 1791 г. двор проводит в Царском Селе и Петергофе. Судя по запискам императрицы того времени, Г.А. Потемкин бывал там не так часто, как хотелось бы Екатерине. Она с нетерпением ждет его приездов, считает дни до встречи, но светлейший князь появляется лишь наездами, чаще всего сопровождая иностранных дипломатов, консультации с которыми он продолжает в Петербурге. Редкие кратковременные визиты Г.А. Потемкина дали повод для слухов об ухудшении его взаимоотношений с императрицей. Но их переписка не подтверждает подобной версии. Напротив, кажется, что летом их союз был куда прочнее, чем в начале весны, когда нередкие ссоры заставляли Г.А. Потемкина и Екатерину II в досаде устраивать друг другу мелкие "толчки" и "шikanства", как тогда говорили.

Императрица была очень довольна тем, что открытого разрыва между Григорием Александровичем и П.А. Зубовым все же не произошло. Записки светлейшего князя к молодому фавориту показывают, что внешне они сохраняли доброжелательные отношения⁵³. "При виде князя Потемкина можно сказать, что победы и успехи украшают человека. Он возвратился к нам из армии прекрасный, как день, веселый, как зяблик, блистательный, как звезда, более остроумный, чем когда-либо", — писала Екатерина II 14 мая принцу Ш.-Ж. де Линю⁵⁴.

Между тем военные действия на юге продолжались весьма успешно. 2 июля курьер привез в Петербург известие, что войска генерала И. В. Гудовича взяли штурмом Анапу, 11 июля в столице узнали о победе Н.В. Репнина в сражении при Мачине 28 июня. Была разбита 60-тысячная турецкая армия, предводительствуемая визирем. Это был полный разгром. 11 июля послы Великобритании и Пруссии подписали ноту, в которой от имени своих монархов признали русские условия заключения мира с Турцией: уступка Очакова и прилежащих земель до Днестра. "В один день, мой друг, два праздника, да сверх того еще

чудесные дела: принятие наших кондиций союзниками", - писала императрица Потемкину 12 июля⁵⁵.

Теперь оставалось лишь уточнить некоторые мелкие детали с секретарем английского королевского кабинета Фалькнером, но и это требовало времени, ибо для России вопрос о сроке перемирия с Турцией перед подписанием окончательного договора был крайне важен. Существует версия о том, что императрица тяготилась присутствием Г.А. Потемкина в Петербурге. Никто якобы не решался объявить ему волю Екатерины II ехать в армию. Тогда императрица сама направилась к светлейшему князю, который, вопреки всеобщему ожиданию, кротко выслушал ее повеления и тут же отбыл в Молдавию⁵⁶. В реальности все выглядело иначе. Г.А. Потемкин окончил переговоры с Фалькнером, 20 июля состоялась отпускная аудиенция английского дипломата, а 24-го ранним утром светлейший князь покинул Царское Село⁵⁷. В дневнике А.В. Храповицкого эти даты стоят рядом, как бы подчеркивая взаимосвязь событий.

15 августа из Галаца Г.А. Потемкин написал Екатерине о начале своих переговоров с драгоманом великого визиря и впервые всерьез пожаловался на свою болезнь. "Я во власти Божией, но дело Ваше не потерпит остановки до последней минуты. Не беспокойтесь обо мне"⁵⁸.

Могла ли императрица не беспокоиться? Ее ответное письмо полетело на юг в тот же день, когда были получены известия от Г.А. Потемкина, 28 августа. Такая поспешность с ее стороны была в последнее время редкостью. Она одобряла все действия Г.А. Потемкина на переговорах, но, казалось, не могла ни о чем другом думать, кроме его болезни, и буквально через строку возвращалась к мысли о ней. "Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович, - говорит Екатерина, - письма твои от 15 августа до моих рук доставлены, из коих усмотрела пересылки твои с визирем <...> но о чем я всекрайне сожалею и что меня же столько беспокоит, есть твоя болезнь, и что ты ко мне о том пишешь, что не в силах себя чувствуешь оной выдержать. Я Бога прошу, чтоб он от тебя отвратил сию скорбь, а меня избавил от такого удара, о котором и думать не могу без крайнего огорчения. О разогнании турецкого флота здесь узнали с великою радостью, но у меня все твоя болезнь на уме <...> Прикажи ко мне писать кому почаще о себе. Означение полномочных усмотрела из твоего письма, все это хорошо, а худо то только, что ты болен. Молю Бога о твоём выздоровлении"⁵⁹.

Императрица была явно испугана. 29 августа, т.е. на следующий день после получения известий о болезни князя, А.В. Храповицкий отмечает в своих записках: "Ездили в Невский монастырь ко всенощной; дано в церковь большое серебрянное паникадило, к раке св. Александра Невского золотая лампада, сверх того сосуды золотые с антиками и бриллиантами"⁶⁰. Обращает на себя внимание особая ценность вклада и тот факт, что Екатерина II решила пожертвовать столь любимыми ею "антиками" - старинными греческими камнями из своего собрания. Камер-фурьерский журнал показывает, что во все последующие дни в дворцовой церкви не прекращались богослужения.

Что же заставляло императрицу так бояться за судьбу князя? Г.А. Потемкин болел часто: кочевая жизнь, постоянное перенапряжение сил, рецидивирующая лихорадка исподволь подтачивали его могучее здоровье. Дважды, в 1783 и 1787 гг., он находится на краю могилы. В начале войны, когда смерть подкралась совсем близко, Григорий Александрович писал Екатерине II куда менее сдержанные письма. Императрица переживала за него до приступов бессонницы, но все же была далека от поездок по монастырям и преподнесения богатых даров. Почему же именно в конце лета 1791 г. Екатерина II была столь встревожена?

Возможно, она знала о предчувствиях князя, что "он доживает свой век", которыми Г.А. Потемкин перед отъездом поделился со своим племянником А.Н. Самойловым. Уже после смерти Григория Александровича императрица писала Гримму: "С летами и опытом он исправился от многих своих недостатков. Три месяца тому назад, когда он приехал сюда, я говорила генералу Зубову, что меня пугает эта перемена и что я не вижу в нем его прежних недостатков, и вот, к несчастью, мои опасения оказались пророчеством"⁶¹. Однако Екатерина II не была ни мнительна, ни суеверна. В письмах к Г.А. Потемкину она не раз потешалась над невежеством турок, рассказывавших о чудесах и видениях в осажденных русскими войсками городах, а ее послания к Гримму полны колких замечаний по поводу мистических настроений Фридриха Вильгельма II. Напугать императрицу могла только весьма реальная угроза.

После кончины князя в армии распространились слухи о его отравлении. Убийцами называли П.А. Зубова и его брата⁶². Не следует забывать, что годом раньше Екатерина II

прямо предупреждала своего корреспондента о возможной попытке берлинских политиков отравить его⁶³. Признание же П.А. Зубова о том, что молодому фавориту необходимо было устранить Г.А. Потемкина со своего пути, сделанное через 30 лет после смерти князя, выглядит очень двусмысленно.

4 октября Г.А. Потемкин продиктовал правителью своей канцелярии В.С. Попову последнее письмо Екатерине II: "Матушка, всемилостивейшая государыня, нет сил более переносить мои мучения, одно спасение остается - оставить сей город, и я велел себя вести к Николаеву. Не знаю, что будет со мною. Одно спасение уехать"⁶⁴. Это письмо было получено Екатериной II уже после смерти Г.А. Потемкина. 5 октября, отъехав 10 верст от станции, князь сам, без помощи окружающих, вышел из коляски, лег на траву и, шепотом попрощавшись с императрицей, умер.

Известие о смерти Г.А. Потемкина достигло Петербурга вечером 12 октября. Был прерван начавшийся было в Эрмитаже бал, и тотчас собрался Государственный совет, заседание которого продлилось и следующим утром. А.А. Безбородко сам вызвался ехать в Молдавию для продолжения переговоров. Ситуация складывалась опасная: смерть Г.А. Потемкина многое меняла для Европы и Турции. Всколыхнулась новая волна антирусских настроений, словно исчезло главное препятствие на пути у сторонников военного конфликта. Английский парламент прервал свои заседания, а верховный визирь Юсуф-паша, недавно униженно извинявшийся перед светлейшим князем за неумеренные требования турецкой стороны, предложил султану Селиму III разорвать мирные условия и вновь начать войну. Приехавший в Яссы А.А. Безбородко столкнулся с огромными дипломатическими трудностями, возникшими не в последнюю очередь из-за того, что его влияние было далеко не равным политическому весу предшественника.

Для императрицы смерть князя была тяжелым ударом. 12 октября А.В. Храповицкий записал: "Слезы и отчаяние. В 8 часов пустили кровь". Ночь она провела без сна. В ту же ночь Екатерина писала Гримму: "Вы не можете себе представить, как я огорчена. С прекрасным сердцем он соединял необыкновенно правильное понимание вещей и редкое развитие ума <...> По моему мнению, Потемкин был великий человек, который не выполнил и половины того, что в состоянии был сделать"⁶⁵.

Весь следующий день императрица провела в своих покоях, никого не желая видеть. "Жаловались, что не успевают приготовить людей: теперь не на кого опереться, -записывает ее слова А.В. Храповицкий. - Как можно мне Потемкина заменить?.. Все будет не то. Он настоящий был дворянин, умный человек, меня не продавал; его не можно было купить"⁶⁶.

"Записки" А.В. Храповицкого показывают, что человеком, получившим немедленную и очевидную выгоду от смерти светлейшего князя, был П.А. Зубов. Уже 17 октября он приказал все пакеты с бумагами, направляемыми на подписание императрицы, присылать ему, а на следующий день "ходил докладывать по бумагам из Безбородкиной канцелярии и послал генерал-прокурору письмо для сведения, что поручены ему дела графа Безбородко". А.А. Безбородко в качестве чрезвычайного уполномоченного отправился в Яссы, где 29 декабря 1791 г. (9 января 1792 г.) был заключен мир на условиях российской стороны: подтверждение Кючук-Кайнарджийского мира, признание принадлежности Крыма России, приобретение Россией Очакова со степью между Бугом и Днестром. Весь северный берег Черного моря теперь принадлежал империи. Вернувшись в столицу после заключения мира, Александр Андреевич оказался не у дел. Переход важнейшей государственной документации из рук опытного сановника к "дуралеюшке Зубову" был просто невозможен при жизни Г.А. Потемкина, который, как видно из писем А.А. Безбородко к друзьям и родным, всегда умел защитить старого дипломата от завистников.

Практически все исследователи эпохи Екатерины II, как бы они ни относились к личности светлейшего князя и политическим плодам его союза с императрицей, отмечают, что после кончины Г.А. Потемкина быллой блеск екатерининского царствования заметно померк. Изучение государственных бумаг Екатерины II, ее частной переписки и других источников показывает, что императрица до самой своей кончины сохраняла ясный ум и твердую политическую волю, но рядом с ней уже не было соратника, способного в критических обстоятельствах дать верный совет, поддержать свою августейшую покровительницу, оградить ее от давления придворных группировок и осуществить важные государственные мероприятия, связанные, в частности, с передачей престола избранному Екатериной II лицу - великому князю Александру Павловичу.

Годы второй русско-турецкой войны, ставшие страшным испытанием прочности всех реформ Екатерины II, предпринятых в мирное время, показали, что она не обманулась в

доверии к своему фактическому соправителю. Человек, обучению которого премудростям жестокой политической игры Екатерина II посвятила около тридцати лет, заметив и приблизив его еще до переворота, в трагических обстоятельствах войны на два фронта и создания общеевропейской лиги против России, сумел не только победоносно завершить военные действия, предотвратить широкомасштабное вторжение в Россию европейских покровителей Порты, но и помешать представителям "прусской", поддерживавшей Павла Петровича партии попытаться заменить в начале 1791 г. "царствующую особу" на русском престоле.

При разборе целого ряда конкретных политических ситуаций, складывавшихся во время войны, и тех мер, которые принимало русское правительство, следует признать, что "ученик", как часто называла Екатерина II Г.А. Потемкина, превзошел своего "учителя" в тонкостях политической игры, выдержке и широте стратегического кругозора. Это заметно, в частности, в истории очаковской операции, в сложном дипломатическом противостоянии прусскому двору, во взаимоотношениях со Швецией по окончании русско-шведской войны, в драматичной истории сдерживания наступательного порыва армии после так называемой "щегольской кампании" 1789 г. В то же время переписка ясно показывает, что именно Екатерина II как никто другой умела поддержать своего соправителя в те минуты, когда душевные и физические силы оставляли Г.А. Потемкина. Ее уверенность в мощи России, острое чувство собственного достоинства и достоинства страны, которую она представляет, не раз помогали князю преодолеть уныние, побуждали его к деятельной работе.

В годы войны и чисто личный союз Екатерины II и Г.А. Потемкина подвергся серьезному испытанию. В 1789 г. императрица избрала нового фаворита - П.А. Зубова, ставленника враждебной светлейшему князю придворной группировки. Особый трагизм положения состоял в том, что, вступив в борьбу с П.А. Зубовым, Григорий Александрович фактически боролся с полуматеринскими чувствами императрицы. Щадя сердце своей немолодой подруги, князь вынужден был отступить и позволить П. А. Зубову закрепиться в положении "случайного". Трудно сказать, как развивались бы события, если бы не смерть Г.А. Потемкина. Очевидно только, что один из противников должен был уйти. К несчастью для Екатерины II, ушел светлейший князь. П.А. Зубов не мог заменить его ни как государственный человек, ни как личность.

Екатерина II прекрасно осознавала всю тяжесть своего положения. "Конец этого столетия как-то вовсе не предвещает гениев, - с грустью писала она Гримму. - Не теряю надежды, что будут, по крайней мере, умные люди, но надо время, старание, опытность". 22 октября в другом письме к Гримму императрица признается: "Теперь все бремя на мне: помолитесь за меня"⁶⁷.

Примечания

¹РГАДА, ф. 1, д. 54, л. 16.

²Сб. РИО. Т. 23. СПб., 1878. С. 561.

³Семевский М. И. Григорий Александрович Потемкин-Гаврический // Русская старина. 1875. № 3. С. 481-482.

⁴Брикнер А. Г. История Екатерины Второй. СПб., 1885. Т. 2. С. 746. См. также: его же. Потемкин. СПб., 1891.

⁵Бартенев П. И. Брак Екатерины II // Русский архив. 1906. Т. 3. С. 608.

⁶Валишевский К. Роман одной императрицы. СПб., 1908. С. 145-174; его же. Вокруг трона. СПб., 1911. С. 129-175.

⁷Барсков Я.Л. Письма Екатерины II к Г.А. Потемкину // РГБ ОР, ф. 369, картон 375, д. 29, л. 16-19.

⁸Oudard G. Lettres d'amour de Catherine II a Potemkine. Paris, 1934. P. 40.

⁹Эйдельман Н. Я. Письма Екатерины II Г.А. Потемкину // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 111-113.

¹⁰Madariaga I. de. Russia in the Age of Catherine the Great. New Heaven; London, 1981. P. 343-344.

¹¹Mourousy P. Potemkine mystique et conquerant. Paris, 1988. P. 339-343.

¹²Лопатин В.С. Потемкин и Суворов. М., 1992; его же. Тайный брак Екатерины II // Modus Vivendi. 1994. №4-6.

¹³Каменский А.Б. "Под сению Екатерины". СПб., 1993. С. 292.

- ¹⁴Елисеева О.И. История и перспективы издания переписки Екатерины II и Г.А. Потемкина // Археографический ежегодник за 1993 год. М., 1995. С. 157-171.
- ¹⁵РГАДА, ф. 5, д. 85, ч. I, л. 543.
- ¹⁶РГВИА, ф. 52, оп. 2, д. 10, л. 8-10.
- ¹⁷Сегюр Л.-Ф. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия XVIII века глазами иностранцев. Л., 1989. С. 436—437.
- ¹⁸Raeff M. Der Stil der russischen Reichspolitik und Furst G.A. Potemkin // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas. Bd. 16. Hf. 2. Wiesbaden, 1968. S. 161-193; Alexander J.J. Catherine the Great. Life and Legend. N.Y., 1989. P. 261; Madariaga I. de. Op. cit. P. 394.
- ¹⁹РНБОР, ф. 73, д. 262, л. 3.
- ²⁰АВПР, ф. 5, д. 585, л. 152.
- ²¹РГАДА, ф. 5, д. 85, ч. II, л. 52.
- ²²Там же, ч. III, л. 51.
- ²³АВПР, ф. 5, д. 585, л. 153.
- ²⁴Гарновский М. А. Записки // Русская старина. 1876. № 3. С. 474.
- ²⁵РГАДА, ф. 5, д. 85, ч. I, л. 557.
- ²⁶Сб. РИО. Т. 23. СПб., 1878. С. 424.
- ²⁷РГАДА, ф. 5, д. 85, ч. I, л. 557-560; ч. II, л. 108, 110.
- ²⁸Русская старина. 1876. № 7. С. 475.
- ²⁹РГАДА, ф. 5, д. 85, ч. II, л. 117.
- ³⁰Там же, л. 129.
- ³¹Там же, л. 141.
- ³²Там же, л. 117-117 об., 129, 141, 145-147.
- ³³АВПР, ф. 5, д. 585, л. 285 об.
- ³⁴Сб. РИО. Т. 26. СПб., 1879. С. 424-425.
- ³⁵РГАДА, ф. 5, д. 85, ч. II, л. 156, 106.
- ³⁶Храповицкий А. В. Памятные записки А. В. Храповицкого с 1782 по 1793 г. М., 1901. С. 176.
- ³⁷РГАДА, ф. 5, д. 85, ч. II, л. 214.
- ³⁸АВПР, ф. 5, д. 585, л. 325.
- ³⁹РГАДА, ф. 5, д. 85, ч. II, л. 243, 246.
- ⁴⁰АВПР, ф. 5, д. 585, л. 211-212.
- ⁴¹РГАДА, ф. 5, д. 85, ч. II, л. 277-278.
- ⁴²Барсков Я.Л. Переписка московских масонов. Пг., 1915. С. 13.
- ⁴³Там же.
- ⁴⁴Цит. по: Семевский М.И. Указ. соч. С. 43.
- ⁴⁵РГАДА, ф. 1, д. 43, л. 51-54; ф. 5, д. 85, ч. II, л. 276 об., 279-279 об.
- ⁴⁶Храповицкий А.В. Указ. соч. С. 211.
- ⁴⁷РГВИА, ф. 52, оп. 2, д. 22, л. 74.
- ⁴⁸РГАДА, ф. 5, д. 85, ч. II, л. 289.
- ⁴⁹Храповицкий А. В. Указ. соч. С. 210.
- ⁵⁰Секретарев Ф. В. Воспоминания//Русский архив. 1882. № 1. С. 164.
- ⁵¹АВПР, ф. 5, д. 585, л. 203.
- ⁵²Сб. РИО. Т. 23. С. 555.
- ⁵³АВПР, ф. 5, д. 585, л. 59, 60.
- ⁵⁴Сб. РИО. Т. 42. СПб., 1885. С. 163.
- ⁵⁵РГАДА, ф. 5, д. 85, ч. I, л. 430.
- ⁵⁶Семевский М.И. Указ. соч. С. 48.
- ⁵⁷Камер-фурьерский церемониальный журнал 1791 года. СПб., 1890. С. 506.
- ⁵⁸РГАДА, ф. 1, д. 43, л. 106.
- ⁵⁹Там же, ф. 5, д. 85, ч. II, л. 298-298 об.
- ⁶⁰Храповицкий А. В. Указ. соч. С. 218.
- ⁶¹Сб. РИО. Т. 23. С. 561.
- ⁶²Энгельгардт Л.Н. Записки // Русские мемуары. XVIII век. М., 1988. С. 282.
- ⁶³РГАДА, ф. 5, д. 85, ч. II, л. 227-227 об.
- ⁶⁴РГВИА, ф. 52, оп. 2, д. 22, л. 191.
- ⁶⁵Сб. РИО. Т. 23. С. 561.
- ⁶⁶Храповицкий А.В. Указ. соч. С. 220-221.
- ⁶⁷Сб. РИО. Т. 23. С. 564, 562.